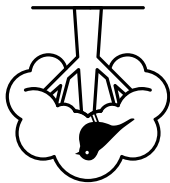

PELNIKA

Мы сознательно относимся к проблеме эксплуатации природных ресурсов, поэтому все книги Like book напечатаны на бумаге, сертифицированной FSC – Лесным попечительским советом (Forest Stewardship Council), что означает использование леса, выращенного по принципам устойчивого лесопользования, с сохранением экологии.

ЛОРЕН ОЛИВЕР

РЕПЛИКА

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Lauren Oliver

REPLICA

Copyright © 2016 by Lauren Oliver

Перевод с английского *Оксаны Степашкиной*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Оливер, Лорен.

О-54 Реплика / Лорен Оливер ; [пер. с англ. О. М. Степашкиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-04-089274-7

Лира. Реплика. Клон. Модель под номером 24. Пленница института Хэвен, расположенного на небольшом острове рядом с побережьем Флориды. Здесь, как на фабрике, поточно производят клонов для дальнейших экспериментов.

Джемма. Больна с рождения. 16 лет. Одинока. Дразнят в школе. Отец Джеммы — один из основателей крупной фармацевтической компании, финансирующей Хэвен. Ее жизнь предсказуемо проходит между больницей, домом и школой.

После прорыва безопасности Лире и другому клону с номером 72 удастся бежать из Хэвена и затаиться на болотах. Случайно беглецы столкнутся с Джеммой и ее ровесником Джейком, наоборот, пытающимися попасть внутрь Хэвена.

Джемма ищет в Хэвене отгадки к тайнам прошлого своей семьи. Лира ищет в Хэвене отгадки к своему будущему.

Доберутся ли они вместе до истины?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-089274-7

© О. Степашкина, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Лира

Посвящается моей сестре Лиззи

От автора

Хотя во многих случаях, с точки зрения Джеммы и Леры, их разговоры будут выглядеть одинаково, вы можете обнаружить некоторые отличия в интонациях и темпе. Это сделано намеренно, чтобы отразить разницу в восприятии персонажей. Джемма и Лира абсолютно уникальны, а из их общения и прочих коммуникативных актов складывается неповторимый личный опыт каждой, что и создает вышеупомянутые отличия: так наблюдение за объектом мгновенно изменяет его собственное поведение.

Кроме того, незначительные различия в повести отражают точку зрения, согласно которой объективного опыта не существует. Каждый воспринимает все сугубо индивидуально: это может засвидетельствовать всякий, кому доводилось спорить с любимым человеком. И потому мы сами создаем свой жизненный опыт. Похоже, что истина во многом подобна вымыслу.

Глава 1

По ночам, когда очень тихо, мы слышим, как они скандируют, требуя нашей смерти. Мы можем видеть их или, по крайней мере, способны различить ореол света над берегом Бэрел-Ки, где они, должно быть, частенько собираются. Они глазят на черную воду, которая плещется возле забора, и смотрят на угловатый белый фасад института Хэвен. Издалека это место, наверное, смахивает на длинную зеленую челюсть с мелкими острыми зубами.

Чудовища — так они нас называют. Демоны.

Иногда бессонными ночами мы думаем: а если они правы?

Лира проснулась с ощущением, будто кто-то сидит у нее на груди. Лишь потом Лира осознала, что ее беспокоит вязкая и удушающая жара, которая буквально придавила ее к кровати своей невидимой рукой.

Электричества не было.

Что-то случилось. Кричали люди. Хлопали двери. В коридорах гулко разносились шаги. В окно Лира увидела, как по двору мечутся лучи фонариков: они

выхватывали из темноты серебристые капли дождя и озаряли безжизненно белую статую человека, тянущегося к земле словно в попытке что-то вырвать из почвы прямо с корнем. Остальные реплики тоже загомонили. В спальне зазвучали хриплые спросонья голоса. Ночью легче разговаривать — меньше шикающих медсестер.

— Что стряслось?

— Что такое?

— Тихо! — рявкнула Кассиопея. — Я слушаю.

Дверь из коридора распахнулась с такой силой, что врезалась в стену. Лиру ослепила вспышка света.

— Все здесь? — спросил вроде бы доктор Запах Кофе.

— Кажется, да! — пронзительно и испуганно ответила медсестра Даже-и-не-думай.

Ее лица не было видно из-за фонарика. Лира разглядела только длинный подол ночной рубашки и босые ноги.

— Пересчитайте!

— Мы тут, — заявила Кассиопея. Кто-то ахнул. Но Кассиопея никогда не боялась разговаривать. — Что происходит?

— Вероятно, кто-то из самцов, — произнес доктор Запах Кофе. Лира сообразила, что он обратился к медсестре Даже-и-не-думай, которую на самом деле звали Максин. — Кто проверяет самцов?

— Что происходит? — повторила Кассиопея.

Лира поймала себя на том, что трогает подоконник, подушку, переднюю спинку кровати с ее личным номером.

Она — номер Двадцать Четыре.

Это ее вещи. Ее мир.

И внезапно до реплик долетел ответ: пронзительные повторяющиеся вопли.

— Черный код! Черный код! Черный код!

В тот же самый миг заработал запасной генератор. Включилось электричество, а затем и охранный сигнал. Взыли сирены.

Все зажмурились от яркого света.

Но Лира каким-то чудом успела увидеть, что медсестра Даже-и-не-думай вскинула руку и попятилась.

— Оставайтесь на месте, — велел доктор Запах Кофе.

Лира не поняла, кому он отдал приказ — медсестре Даже-и-не-думай или репликам. Так или иначе, выбор невелик. Доктор Запах Кофе принялся возиться с кодовым замком и в конце концов выбрался в коридор. Медсестра Даже-и-не-думай стояла, прижавшись спиной к закрытой двери. Ее бил крупная дрожь. Наверное, она решила, что в любое мгновение девушки могут кинуться на нее и растерзать. Ее фонарик, померкший в свете ламп, отбрасывал молочно-белый круг на керамические плитки пола.

— Неблагодарный, — буркнула она и тоже убралась восвояси.

Но девушки могли видеть ее через окна, выходящие в коридор: медсестра расхаживала взад и вперед, время от времени трогая нательный крестик.

— Что такое «черный код»? — спросила Роза, подтянув колени к груди.

Они уже подзабыли свои «звездные» имена, поскольку доктор О’Доннел — единственный сотрудник, которого Лира не наградила прозвищем, — давно покинула Хэвен. Зато теперь реплики выбирали себе другие имена среди известных им словечек — те, что показались им красивыми или интересными. Так появились Роза, Пальмолив и Приват, Сиреневый Родник, Прилив и даже Вилка.

Как обычно, ответ знала Кассиопея — самая старшая из них, если не считать Лиру.

— Черный код означает прорыв системы безопасности, — объяснила она. — Думаю, кто-то сбежал.

Глава 2

Че-ло-век. Самое первое слово, которое узнала Лира, звучало именно так.

Люди были двух видов. На вершине стояли естественнорожденные — женщины и мужчины, девушки и парни, как врачи и персонал, ученые, охранники и сотрудники спецслужб (последние иногда инспектировали Еловый остров и его обитателей).

А на нижней ступени сгрудились модели человека. К ним относились самцы и самки. Сперва их создавали в лабораториях, а потом переносили в утробы суррогатных, которые обитали в бараках и не знали английского. Порой реплик называли клонами. Лира понимала, что «клон» — нечто плохое, оскорбительное, хоть она и не знала, почему.

В общем, в Хэвене их окрестили репликами.

Так или иначе, но второе слово, которое выучила Лира, было несложным.

— М-о-д-е-л-ь. — Лира проговорила его по буквам, легонько выдыхая сквозь зубы, как учила доктор О’Доннел.

— М-о-д-е-л-ь, — опять прошелестела Лира. — Номер двадцать четыре, — добавила она после паузы.

Возможно, так начинался отчет, посвященный ей, Лире.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — осведомилась медсестра Свинопас.

Ли́ра дала ей прозвище месяц назад. Она и не представляла, что такое свинопас, но слышала, как медсестра Рейчел ворчала: «Иногда я предпочла бы работать свинопасом».

Лире пришлось по душе это выражение.

— Суматошная выдалась ночка, верно? — Как обычно, медсестра не ждала ответа и заставила Лиру лечь на диагностический стол, а оттуда уже нельзя было рассмотреть папку с бумагами.

Ли́ра ощутила вспышку гнева, как внезапный взрыв в мозгу. Не то чтобы отчет был ей интересен. Она не имела особого желания узнать про себя дополнительную информацию, выяснить, почему она больна и можно ли ее вылечить. Она понимала — правда, в общих чертах, из намеков или подслушанных разговоров, — что в процессе до сих пор бывают сбои. Реплики рождались генетически идентичными исходному биоматериалу, но вскоре начинались разнообразные медицинские проблемы: органы не функционировали должным образом, клетки тканей не регенерировали, легкие схлопывались. Становясь старше, реплики переставали владеть собой, забывали свой родной язык, вечно плакали и легко впадали в замешательство. Некоторые даже прекращали благополучно развиваться. Они оставались щуплыми и низкорослыми. Они разбивали головы об пол, а когда приходили Агенты, истерично просили, чтобы их забрали. Хорошо хоть, Бог несколько лет назад распорядился, чтобы новейшие генерационные культуры держали их на руках и возились с ними не

менее двух часов в сутки. Было высказано предположение, что контакт с людьми или с себе подобными позволяет им дольше оставаться здоровыми. Лира и другие реплики постарше поочередно возились с ними, щекотали их толстенькие ножки и пытались рассмешить.

Лира полюбила чтение в тот краткий восхитительный период, когда в Хэвене работала доктор О’Доннел. Лира считала эти месяцы лучшими в своей жизни. Когда Лира читала, в ее голове буквально распахивались окошки, и через них проникал свет, свежий воздух и видения иных мест, иных жизней, просто иных, и точка. В Хэвене имелись лишь научные монографии, методические брошюры и анатомические атласы, они оказались чересчур трудными и пестрели терминами, которые Лира не могла выговорить вслух. Но она читала медицинские карточки, когда их оставляли без просмотра. И журналы, которые медсестры бросали в комнате отдыха.

Продолжая болтать, медсестра Свинопас измерила Лире давление и сунула девушке под язык электронный термометр. Лира хорошо относилась к тонометру и термометру. Ей нравилось, как манжета тонометра сжимается на ее плече, подобно руке, ведущей ее куда-то вперед. Ее успокаивало пиканье термометра и умиротворяло, когда медсестра Свинопас говорила: «Совершенно нормально».

Медсестра добавила:

— Не возьму в толк, о чем оно думало, когда убежало. Глубокий вдох. Хорошо. Теперь выдохни. Оно ведь утонет, как только сунется в воду! Ты слышала, какой вчера ночью был прибой? Как гром! Удивительно, что тело еще не выбросило обратно!

Ли́ра сообразила, что от нее опять не ждут ответа. Однажды она ответила на бодрый вопрос медсестры Свинопас: «Как мы себя чувствуем?». Женщина испугалась, выронила шприц — Ли́ра ненавидела иглы и не желала давать им имена, — и пришлось начинать процедуру заново. Но она задумалась: а каково это — наткнуться на берегу на мертвое тело? Ли́ра не боялась трупов. Она сотни раз видела, как реплики болели и умирали.

Например, Желтые умерли почти одновременно — все они были младше года.

«Случайность», — заявили врачи. Лихорадка.

Ли́ра наблюдала за тем, как их тела заворачивали и готовили к отправке.

Одна Фиолетовая из седьмой культуры — кажется, номер Триста Тридцать Три — перестала есть. Когда ее начали кормить через зонд, было уже поздно. А номер Пятьсот Один проглотила упаковку снотворного после того, как исчезла медсестра Эм, которая всегда помогала ей брить голову и аккуратно обращалась со станком. Номер Четыреста Двадцать Один умерла неожиданно, во сне. Именно Ли́ра тогда тронула ее за руку, чтобы разбудить, и поняла, по странному пластиковому холоду ее ладони, что та мертва. Странно, что жизнь в одно мгновение улетучивается, уходит, оставляя только кожу да кости, грудку плоти.

Но ведь они и являются телами. Людьями и одновременно не людьями. Ли́ра гадала, почему так сложилось. Выглядела она, по ее мнению, как нормальный человек. И другие реплики-самки — тоже. Их ведь сделали из стандартных людей и даже родили от них же.

Однако именно такой способ создания и превратил их в меченых.

Так твердили все до единого. Кроме доктора О'Доннел.

Лира была совсем не против присмотреться к самцам, но их держали отдельно от самок — даже мертвых, когда заворачивали их трупы в брезент и увозили с острова. Самцы вызывали у Лиры любопытство. Она изучала их анатомию в медицинских пособиях, пытаясь хоть в чем-то разобраться, и пристально разглядывала изображения женских и мужских репродуктивных органов, которые, похоже, обозначали важнейшее различие между ними, но даже не представляла, как в реальности выглядят самцы. Единственными мужчинами, которых она видела, были врачи, медбратья, охранники и прочие работники Хэвена.

— Отлично. Почти готово. Теперь иди сюда и встань на весы.

Лира приподнялась и слезла со стола в надежде еще разок взглянуть на карточку с ее чудесными, стройными надписями, марширующими по бумаге, как солдаты. Но медсестра Свинопас цапнула папку-планшет и принялась записывать свежие данные Лиры. Не выпуская планшет, она одной рукой умело отрегулировала весы и подождала, пока стрелка перестанет дрожать.

— Хм. — Медсестра нахмурилась, и ее морщинки между бровями стали глубже и сошлись воедино.

Когда Лира была еще совсем маленькой, она заявила, что поняла, в чем разница между людьми и репликами. Люди старые, а реплики молодые. Медсестра, которая тогда купала ее — она проработала здесь недолго, и Лира давно забыла ее имя, — расхохоталась. Эта история молниеносно разлетелась среди медперсонала и врачей.

— Ты теряешь вес, — проворчала медсестра Свинопас и поцокала языком. — Как у тебя с аппетитом?